

День не задался с самого утра. Дмитрий Федорович Победный любил неспешно со вкусом попить утренний, свежесваренный, обжигающий кофе, который бесподобно готовила его домработница Ольга Степановна. Впрочем, она все готовила бесподобно, очень талантлива была по части домашнего хозяйства, за что он ее и ценил.

Отхлебнув первый священный утренний глоток, прочувствовав его вкус и аромат, Дмитрий Федорович неловко поставил чашку, и она, тихонько дзинькнув о блюдце, издала звук, похожий на маленький взрывчик, раскололась ровно пополам, освобождая из ограниченного чашечного пространства горячую жижуху и антрацитовые развалы черной гущи. Радуюсь освобождению, кофейная жидкость отсалютовала, обдав светлые брюки и рубашку Победного черными брызгами.

Пришлось переодеваться под расstroенные восклицания Ольги Степановны и по второму заходу начинать завтрак.

Фарфоровый чашечный взрывчик стал выстрелом стартового пистолета, открывающим забег цепляющейся друг за друга череды неприятностей этого дня.

Часа через полтора после его приезда на работу, предсмертно зашипев, сдох кондиционер в кабинете, и комната стала стремительно нагреваться, словно в нее засунули гигантский кипятильник.

Дмитрию Федоровичу, единоличному хозяину и главе огромного концерна, находясь в помещении со стеклянной стеной, открывающей сказочной красоты вид на столичный град Москву в южном направлении с заоблачного этажа помпезно-выпендрежного современного здания, представилась уникальная возможность почувствовать себя запекаемой рыбой.

Не помогли ни плотно закрытые жалюзи, ни мгновенно принесенные, неизвестно где раздобытые Галиной Матвеевной вентиляторы. Персона такого уровня, тщательно охраняемая офисными, домашними, ресторанными, авиалайнерными и автомобильными кондиционерами от выкрутасов природы и чудес ожидаемого глобального потепления, с удивлением обнаружила невесть откуда занесенную и рухнувшую в эти первые дни июня на многострадальную Москву небывалую жару.

Дмитрий Федорович терпел, варился, звел понемногу, подумывая, а не взять ли необходимые документы и не перебраться ли в кабинет кого-нибудь из замов, шуганув его из личного рая комфортной температуры, или уехать уже, на фиг, домой и там спокойно поработать, но непрекращающиеся звонки, запланированная ранее встреча и селекторное совещание с портовиками не выпускали его из постепенно закипающей кастрюли кабинета, где он плескался обеденной щукой.

— Галя!!! — заорал он во все горло, проигнорировав селектор, попутно отводя душу криком

— Я здесь! — влетела Галина Матвеевна, его неизменный боевой секретарь, интересная, соответствующая во всех отношениях секретарю такого уровня женщина, возраста, визуально определяющегося в районе тридцати лет.

Тридцать годов быть ей ну никак не могло по причине простой и понятной: работала она у господина Победного последние, дай бог памяти, лет десять, когда у него появился первый приличный офис, и было Галочке в ту пору хорошо за этот нейтральный женский возраст.

— Где мои рубашки, я не понял?! — громыхало грозное начальство, сваренное до полуготовности, обозревая глубины пустого рабочего гардероба.

Громыхал он, правда, ни в коем случае не на Галочку, а исключительно от расстройства нервов, ее он уважал и все поражался в первые годы их совместной работы, как смог отхватить себе такое секретарское счастье.

Галина Матвеевна, в свою очередь, начальство зорко охраняла, уважала до благоговения и обожала до трепета, что могла себе позволить делать открыто, иногда слегка перебарщивая в своей заботе. В прошлом она единолично справлялась со всеми текущими проблемами, терпя трудный требовательный характер начальника, работу в постоянном авральном режиме, но теперь уже несколько лет заведовала секретариатом господина Победного, строго гоняя в хвост и гриву молодых девуллек.

— Дмитрий Федорович! — покаянно сцепив ладошки в замок, чуть не плача, повинилась Галина Матвеевна. — Я рубашки и костюмы вчера в химчистку отправила! Надо было освежить!

— Очень вовремя! Подгадала! — проворчал Дмитрий и с силой захлопнул дверцы пустующего гардероба

— Да кто ж знал!!! — разволновалась до накатывающей слезы Галочка.

Никто не знал! И предположить не мог, что в офисе такого уровня и такой стоимости может сломаться кондиционер, да еще в кабинете

самого начальника! Это было так же невозможно, как братски-семейная любовь между Палестиной и Израилем.

— Дмитрий Федорович, ремонтники ждут, вы поедете на обед, я их и запущу!

— У меня через сорок минут встреча. Зашли кого-нибудь из девиц, пусть мне рубашку купят!

Всех остальных секретарш, работающих на него под руководством Галочки, он иначе как «девицы» не называл. И все их непомерные старания показать начальнику ноги, попки, груди, зазывное стреляние глазками не замечал и порой гнал к чертовой матери, если данные демонстрации становились слишком откровенными.

Конечно, у него была серьезная, слаженная команда сотрудников, профессионалов высочайшего уровня, которые успешно ворочают его состоянием и делами фирмы и без непосредственного присутствия хозяина, но всегда есть дела, которые может решить только он. И именно сегодня, по не отмененному никем закону подлости, таких дел и важных встреч у Победного было невпроворот.

Нет, ну надо же?! А? Чашки раскалываются сами собой, кондиционеры ломаются, рубашки пропадают, а небывалая жара берет измором!

К концу дня, когда плюхнулся на заднее сиденье машины, Победный чувствовал себя потным, грязным и измотанным до осатанения.

— Домой, Гриша.

Водитель, зыркнув глазом в зеркальце на начальство, посочувствовал:

— Устали, Дмитрий Федорович? Сейчас домчим!

— Не надо домчим, давай доедем, — зная неистребимую тягу к лихачеству своего водителя, возразил Дмитрий.

Ему жгуче хотелось в душ — сначала очень горячий, чтобы содрать с кожи усталость, пот, раздражение, трудность переговоров, естественно, закончившихся его победой, а чем же еще? Потом очень холодный — взбодриться. Дернуть немного коньяку и выкурить хорошую сигарету, он не курил, бросил лет пять назад, но в такие моменты, как сегодня, самое оно!

И все! Хватит на сегодня — все!

«Ну, ну!» — хмыкнула судьбинушка.

Затейливые засады этого дня не закончились.

Хлопнув входной дверью, он бросил портфель, принялся стягивать туфли, в раздражении сильно упираясь носком в задник, отчего они плохо снимались. Дмитрий чертыхнулся, с силой сбросил сначала с одной, а затем и с другой ступни застрявшую обувь, словно именно она была виновата во всех нынешних неприятностях, швырнул не глядя прямо на пол пиджак. И, стремительно шагая в направлении ду-

ша, как гадость какую-то, срывал с себя галстук, рубашку, торопясь немедленно снять всю одежду — так нажарился!

— Привет! — перехватила его в коридоре жена, выйдя из гостиной. — Что это с тобой?

— Я в душ! — оповестил Дмитрий, отгесняя Ирину, вставшую на пути к вождеденному водному очищению

— Я тебя жду. Мне надо с тобой поговорить, — сдвинулась, пропуская его, но продолжала настаивать жена

— После душа! — пообещал Дмитрий, не замедляя целенаправленного движения.

Она действительно его ждала. Одетая, как для выхода в свет: в легком шелковом брючном костюме, каблучки недостижимой высоты, «боевой» набор брильянтового блеска в нужных местах, улыбка, прическа, макияж — на бал, на бал! Сидела с прямой спиной на краешке гостиного дивана, нервно курила тонюсенькую сигаретку и ждала.

Дмитрий, не потрудившись одеться и вытереться, лишь обернул небрежно полотенце вокруг бедер скорее из-за заявленной программы: «поговорить», а не из стыдливости, мало известной ему. Испытывая нечто близкое к блаженству после долгожданного душа, он плюхнулся рядом с ней на диван.

— Ир, налей мне коньячку, — скорее приказал он, сохранив подобие просьбы в формулировке.

Она посмотрела на него непонятым взглядом, но встала и подошла к барному столику, на котором в ожидании рядками стояли разнокалиберные бутылки и посверкивали хрустальной чистотой бокалы и рюмки, плеснула на одну треть в бокал его любимого коньяка, вернулась к дивану, протянула Победному и сказала:

— Я ухожу от тебя.

Она не села. Так и стояла, смотрела на него тем же непонятым взглядом.

— К кому? — отстраненно спросил Дмитрий.

— Ни к кому. Просто ухожу. — И добавила сообщениями: — Я купила себе квартиру полгода назад, неделю назад там закончили ремонт и дизайнерское оформление. Все необходимое я приобрела. Три недели назад я подала на развод.

— Где деньги взяла? — без интереса, заранее зная ответ, спросил он.

— С твоего счета. Хотела сначала все отсылать в бухгалтерию, но ты бы не пропустил такие траты.

— Не пропустил, — кивнул он равнодушно.

— А личный счет ты редко проверяешь.

— Значит, готовилась?

— Да.

— Ясно...

Вот ведь выкрутасы судьбы!

— Любовник есть? — откинувшись на спинку дивана, глядя ей прямо в глаза и отхлебывая коньяк, поинтересовался Дима.

— Есть. Как и у тебя любовницы.

Неожиданно она села рядом с ним и перестала держать лицо, тон, спину, сгорбилась, как старушка, сцепила пальцы и сунула ладони между колен.

— Ты знаешь, я ведь тебя любила, — сказала нормальным, человеческим, проникновенным голосом, как не разговаривала с ним никогда.

Удивительно! Она уходит, подготовила тылы, рассчитала пути отступления, подала на развод, а по-настоящему, по-человечески искренне заговорила с ним первый раз. Никогда не говорила. А тут...

— Не так чтобы до гроба, не есть, не спать и все только ты, но любила. По-своему. А может, не любила, а очень хотела тебя заполучить... Ну получила, и что?

— И что, Ир? — искренне заинтересовался Дмитрий.

— И ничего. Ты сам знаешь.

Они помолчали, каждый о своем. Она взяла у него из руки бокал, глотнула и сунула обратно ему в руку.

— Я молодая была, глупая. Мне казалось, главное — оторвать богатого мужика, и жизнь изменится, превратится в сплошную сказку, а там уж я разберусь, как мне управляться с этим мужиком и его деньгами.

Она снова выхватила у него бокал, глотнула и сунула назад в его руку.

Дмитрий встал, хотя очень не хотел — ведь первый раз за столько лет они разговаривали нормально, по-человечески, но все же встал, подошел к бару, долил в свой бокал и ей налил полбокала, взял сигареты и вернулся на диван — в разговор.

Сделав большой глоток коньяка, Ирина порылась в своей сумочке, нашла сигареты, щелкнула зажигалкой и, прикурив, сильно затянулась.

— А ты молодец, Победный, ты все сразу прощелкал: и эти мои девичьи мечты, желание денег, богатства, — одним махом допила коньяк, еще раз сильно затянулась. — Как ты на мне вообще женился? Может, из-за детей? Ты же так хотел детей, настаивал, требовал! А куда мне были дети? Я еще не наигралась в свалившиеся на меня бирюльки, денежки, возможности. Какие дети? А когда опомнилась, осмотрелась вокруг, так мне захотелось любви. Чтобы любил кто-то до одури, хотел прожить со мной до старости и чтобы я была самая главная в его жизни.

Она резко развернулась к нему всем телом, вытащила из коленных тисков и расцепила ладони, заглянула ему в глаза.

— Мне себя безумно жалко! Но мне так же сильно жалко тебя! Ты же никогда никого не любил! Ни одну женщину! У тебя атрофировано это чувство, удалено, как аппендикс, ты не способен кого-то любить! Я для тебя никто была, пустое место, ты меня не замечал! И удивлялся, когда сталкивался в квартире, мне иногда казалось, что ты сейчас спросишь: «Ты кто?» Тебе все люди до лампочки! Ты их жуешь на завтрак, как меня сжевал! Но я тебе благодарна, я научилась у тебя многому.

Она замолчала. Выговорились, понял Дмитрий.

— Ты на что жить будешь? — равнодушно поинтересовался, как будто в магазин за колбасой отправлял и спрашивал между делом, не забыла ли взять кошелек.

— Я давно деньги копила. На первое время хватит.

— Будешь воевать?

— Нет. Зачем? Заранее знаю, что проиграю.

— Проиграешь, — вздохнул он.

Все! Ему стало неинтересно, и устал он зверски. Когда же эта засада закончится?

Ира, уловив в нем перемену, встала.